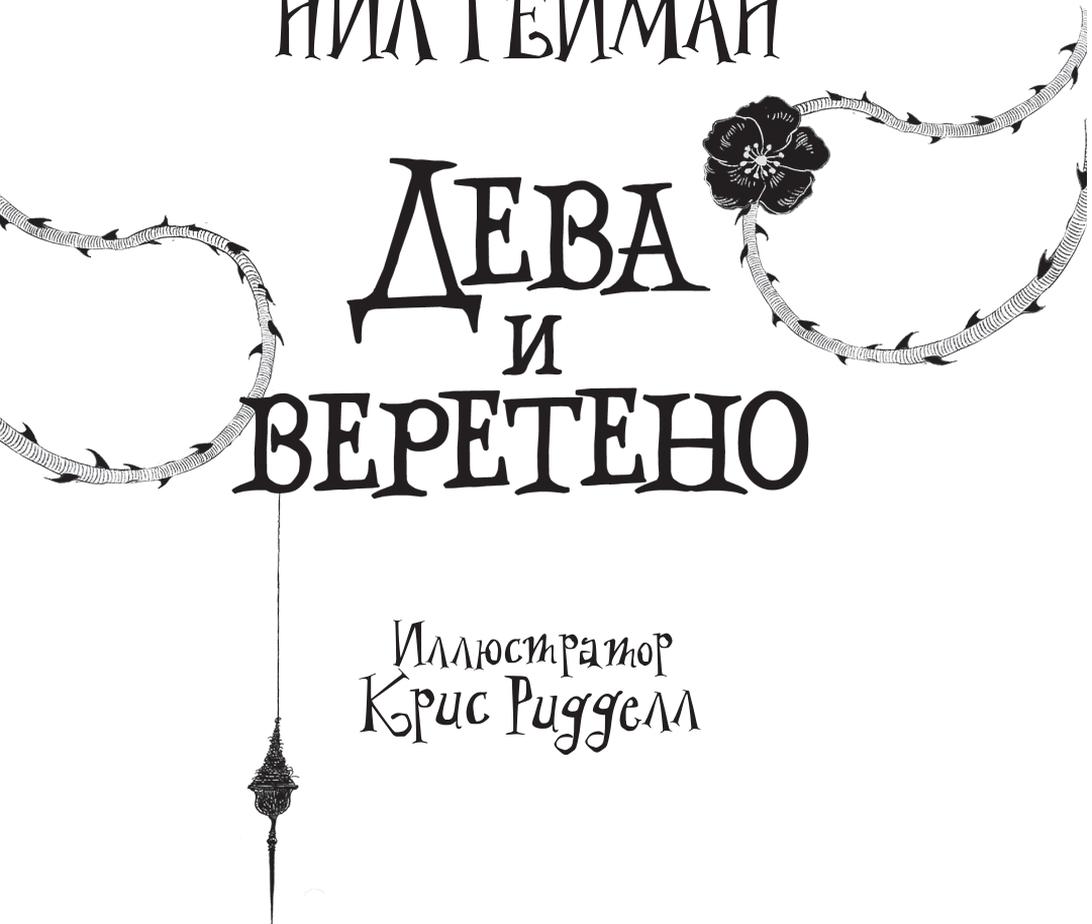

НИЛ ГЕЙМАН

ДЕВА
И
ВЕРЕТЕНО

A decorative illustration featuring a thorny vine that curves around the title. A large, dark, five-petaled flower is attached to the vine. A thin line hangs from the bottom of the vine, ending in a small, ornate lantern.

Иллюстратор
Крис Ридгелл

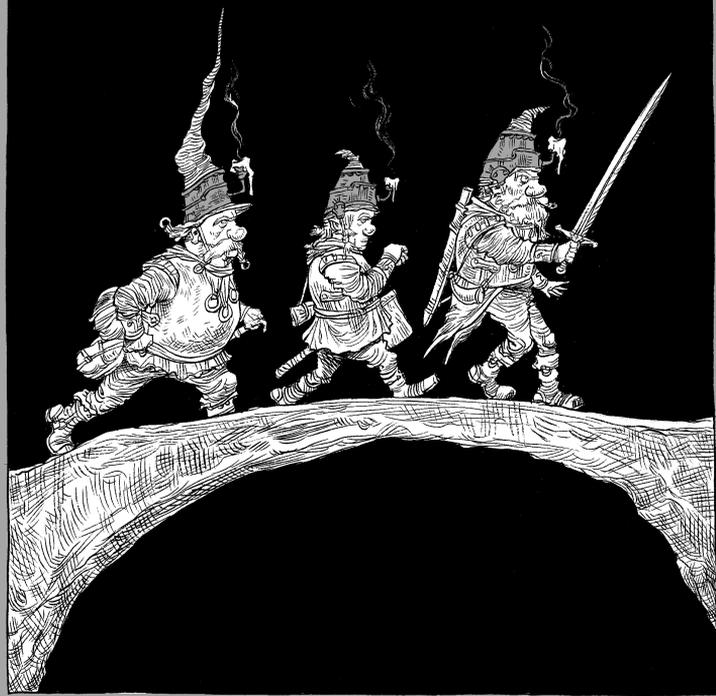
Издательство АСТ
Москва

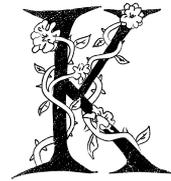
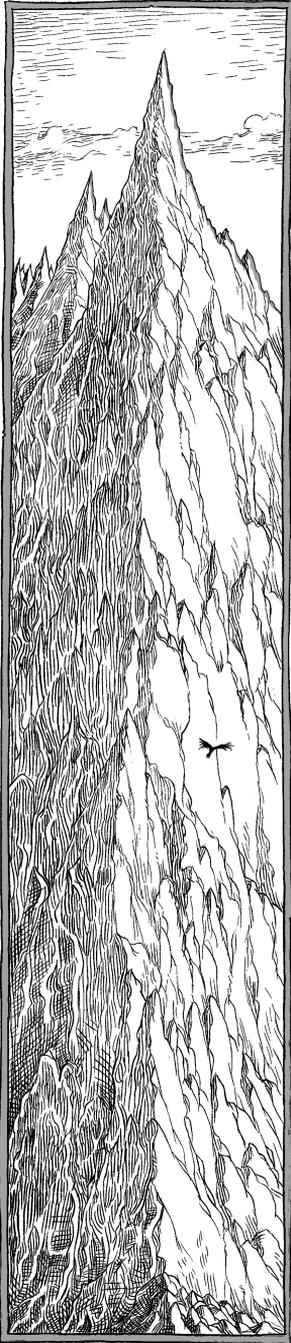

*ВЫБОР ВСЕ ЕЩЕ ЕСТЬ,
ПОДУМАЛА ОНА.
ВЫБОР ЕСТЬ ВСЕГДА.*

*Холли и Мэдди, моим дочерям,
которые меня разбудили*
Н. Г.

Моей дочери Кэти, в начале ее поисков
К. Р.

К владениям королевы эта страна была ближе всех — если считать по прямой, как летит ворона. Да только даже вороны туда не летали. Границей между двумя землями служил высокий горный кряж, который не ододела бы ни ворона, ни человек. Горы эти считались совершенно неприступными.

Немало предприимчивых торговцев (что по ту сторону гор, что по эту) подзуживали местных жителей разведать тропу через перевал, которая — если б ее вдруг и вправду развели — озолотила бы всякого. Доримарские шелка доставляли бы в Канселер за несколько недель, самое большее месяцев, но уж никак не лет. Однако тропы такой не суще-

ствовало в природе, вот в чем беда, и хотя у двух королевств имелась общая граница, никто никогда не переходил ее — ни оттуда сюда, ни туда отсюда.

Даже гномы, суровые, выносливые гномы, в которых магии не меньше, чем мяса и костей, не могли одолеть перевал.

Впрочем, гномы это проблемой не считали. Они через горы не переваливали. Они проходили низом.

Трое гномов пробирались темными подгорными тропами, да так проворно и ловко, словно их не трое было, а один.

— Скорее! Скорее! — бормотал арьергард. — Нужно купить ей в Доримаре самого что ни на есть первостатейного шелку.

Если не поторопимся, все распродают, придется брать не первый сорт, а... ну, второй.

— Да знаем мы, знаем! — отозвался авангард. — И еще мы купим корзинку, чтобы шелк было в чем назад нести. Чтобы чистым остался, чтоб ни единой пылинки не село.

Гном, что шел посередке, ничего не сказал. Он крепко сжимал в руках камень (только б не уронить, не потерять!) и видел только его, и только о нем и думал. Камень тот был рубин, вырубленный из скалы наживую, размером с куриное яйцо. Если огранить его да оправить, за такой и королевство дадут, а не то что лучшего доримарского шелку.

Гномам бы и в голову не пришло дарить молодой королеве что-то выкопанное прямиком из земли, пусть даже и своими руками. Нет, слишком просто, слишком банально. Дальняя дорога — вот что делает подарок по-настоящему волшебным. Так они, гномы, по крайней мере, думали.

Королева тем утром пробудилась рано.

— Еще неделя, — сказала она вслух. — Еще одна неделя от этого дня, и я выйду замуж.

Интересно, подумала она, каково это — выйти замуж?

Немного неправдоподобно и вместе с тем чересчур окончательно. Если жизнь состоит из череды выборов, рассуждала она, тут-то жизни и придет конец: через неделю никакого выбора не останется. Королева будет править своим народом. Заведет детей. Может быть, умрет родами... а, может, старухой или на поле брани. Но все равно дорога неизбежно приведет в могилу — шаг за шагом, вздох за вздохом.

На лугу под стенами замка уже стучали плотники, сколачивая трибуны, чтобы народ ее

мог поглядеть, как она сочетается браком. Каждый удар молотка звучал глухо, будто билось огромное сердце.

рое гномов выбрались из норы под речным обрывом и живо вскарабкались наверх, на луговину — раз, два, три. Влезли на гранитный выступ, распрямились, попрыгали, потянулись и припустили бодрой рысцой к кучке приземистых домиков, что звалась деревенькой Гифф, — а, точнее говоря, к деревенскому трактиру.

Трактирщик с гномами дружил. Для него они припасли бутылочку канселерского — богатого, сладкого, темно-рубинового, совсем непохожего на местное пойло, кислое и бледное. Так они делали в каждый свой визит. За это трактирщик гномов кормил и наставлял на путь истинный — то есть дорогу показывал и советом помогал.

Трактирщик, с бородою кустистой и рыжей, будто лисий растрепанный хвост, грудью широкий, что твоя бочка, торчал в общей зале за стойкой. Утро только занималось; раньше на гномьей памяти зала в такой час всегда стояла пустая, но сейчас за столиками сидело десятка три человек, и особо счастливым никто почему-то не выглядел.

Вот так и получилось, что гномы, полагая тихом просочиться в трактир, очутились под прицелом сразу тридцати взглядов.

— Господин наш хороший Лисовин! — провозгласил тот гном, что повыше.

— А, ребята! — сказал трактирщик, который честно полагал прибывших мальчишками, хотя лет им на деле сравнялось вчетверо, а то и впятеро больше, чем ему. — Я так понимаю, вам ведомы горные тропы. Надо бы нам смыться отсюда, да поскорее.

— А что случилось? — поинтересовался самый маленький гном.

— Сон! — каркнул пьянчуга у окна.

— Мор! — уточнила нарядно одетая дама.

— Рок! — возвестил лудильщик, и кастрюли его тревожно брякнули. — Рок грядет!

— Мы вообще-то в столицу идем, — сообщил гном повыше («повыше», впрочем, означало не выше ребенка, да и бороды у него не росло). — В столице тоже мор?

— Да не мор это, — отозвался пьянчуга, борода у которого, напротив, росла, длинная, седая и в желтых пятнах от пива. — Говорю ж вам, это сонная одурь.

— Как это сон может быть мором? — удивился самый маленький гном. Тоже, кстати, без бороды.

— Это все ведьма! — объяснил пьянчуга.

— Злая фея! — поправил его некий толстолицый посетитель.

— А я слыхала, то была чародейка, — возразила трактирная служанка.

— Да кем бы она ни была, — осадил их пьянчуга. — На день рождения-то ее не позвали.

— Чушь это все! — перебил лудильщик. —

Она бы все равно принцессу прокляла,

